

Claus Bergen und Karl Neureuther

WIR LEBEN NOCH!

Deutsche Seehelden
im U-Bootkampf

Клаус Берген, Карл Неуреутер

МЫ ВСЁ ЕЩЁ ЖИВЫ!

Рассказы
германских подводников

▾ PRINCIPIUM ▾

МОСКВА
2019

УДК 355/359
ББК 63.3(0)53
Б48

Клаус Берген, Карл Неуреутер

МЫ ВСЁ ЕЩЁ ЖИВЫ!

Рассказы германских подводников

Перевод, комментарии и приложения *Н. Тимошенко*

WIR LEBEN NOCH!

Deutsche Seehelden im U-Bootkampf

Thomas Claus Bergen und Karl Neureuther

Клаус Берген, Карл Неуреутер

Б48 Мы всё ещё живы! Рассказы германских подводников / Клаус Берген, Карл Неуреутер / Пер. с нем. — М.: Принципиум, 2019. — 304 с., с ил.
ISBN 978–5–90655–748–3

Предлагаемые читателю рассказы моряков-подводников, собранные бывшим командиром подводной лодки Карлом Неуреутером и знаменитым немецким художником Клаусом Бергеном, впервые увидели свет в 1930 году и были сразу же переведены на английский язык. Во время Первой мировой войны Клаус Берген лично принимал участие в боевом походе на подводной лодке U-53 под командованием легендарного Ханса Розе.

Рисунки и фотографии художника органично дополняют описание различных эпизодов подводной войны, изложенных с живыми бытовыми подробностями простым и красочным языком.

На русском языке публикуется впервые.

УДК 355/359
ББК 63.3(0)53

ISBN 978–5–90655–748–3

© ООО «Принципиум», 2019

Содержание

Предисловие Клауса Бергена	7
1. Мой первый подводный поход (Сентябрь 1914 года). Моторист Карл Вейдеманн	9
2. Рождество и Новый год 1914–1915 на U-24. Моторист Николаус Джауд	14
3. Мой поход на подводной лодке. Клаус Берген	24
4. Подводное сотрудничество. Командир UB-73 Карл Неуреутер	95
5. Капитан «Вертлюжий глаз». Боцманмат Кристоф Лассен	100
6. Ремонт мотора в открытом море. Моторист Николаус Джауд	106
7. Баварцы в Ирландском море. Главный старшина Роман Бадер	114
8. Ураган. Старший матрос В. Шлихтинг	125
9. Двойной таран. Радист Колланд	133
10. Последний рейс сэра Роджера Кейсмента. Моторист Карл Вайдеманн	140
11. У Дублина. Командир UB-73 Карл Неуреутер	144
12. Белый корабль. Штурман Грассл	155
13. Между тонущим судном и морским дном. Старший матрос Карл Штольц	160

14. Беспокойные ночи в океанских глубинах.	
Штурман Грассл	168
15. Похороненные заживо.	
Старший матрос В. Шлихтинг	184
16. Потопление «Армениана».	
Моторист Николаус Джауд	188
17. Особенно неприятный случай.	
Старший матрос Карл Штольд	193
18. Судно-ловушка. Радист Хайдт	201
19. Потопление «Юститии». Радист Хайдт	212
20. С учебного судна на океанские просторы.	
Боцманмат Зейдель	220
21. Из Киля до Каттаро. Радист Рухланд	228
22. Набег на сардинский порт Карлофорте (остров Сан-Пьетро). Боцманмат Зейдель	235
23. Воздушное нападение.	
Боцманмат Зейдель	241
24. В восточных водах. Старший матрос	
А. Унтерлейтнер	244
25. Сдача подводной лодки англичанам.	
Старший матрос О. Вейнер	257
Эпилог. Командир UB-73 Карл Неуреутер	262
Приложения и примечания к рассказам	265

Предисловие Клауса Бергена

С большим удовольствием я принял предложение «Мюнхенского братства подводников» отредактировать и проиллюстрировать рассказы бывших подводников, членов этой ассоциации.

В 1917 году, при объявлении неограниченной подводной войны, я получил возможность, которой длительное время добивался: поучаствовать в длительном рейде на лодке *U-53* под командованием Ханса Розе в качестве официального художника. Воспоминания от того похода остаются неизгладимыми и по сей день. Говоря откровенно, самое сильное впечатление на меня произвел дух великолепного боевого братства, крепкая связь, объединявшая офицеров и команду в тесных кубриках корабля. Оторванные от дома, на далеких позициях у вражеских берегов, окруженные сотнями всевозможных опасностей и угроз, со смертью, постоянно глядящей им в глаза, они приняли участие в рыцарской схватке за честь их Родины.

Один за всех, и все за одного! Таков был основной девиз подводных экипажей. Движимые им, они уходили и возвращались, хотя многих нахрабрейших, лежащих в их стальных гробах на океанском дне, смерть объединила навсегда.

ПРЕДИСЛОВИЕ

А те, кто остался жив, сохраняют веру в идеалы боевого братства, и до сих пор не забыли своего друга — художника. Надеюсь, что воспоминания небольшой ассоциации подводников могут свидетельствовать о железной воле и преданности делу, проявленной в отчаянных обстоятельствах смертельной схватки.

Дух товарищества и вера по-прежнему живы. Я надеюсь, что они повсеместно посеют семена уверенности, которые, прорастая, дадут урожай несокрушимой силы, непременно ведущей к успеху.

«Самый полный вперед!»

Ваш *Клаус Берген*

1.

Мой первый подводный поход (Сентябрь 1914 года)

Моторист Карл Вейдемани

Сразу же после начала войны английская политика морской блокады сделала очевидной ее цель по экономическому удушению и истощению Германии. Без немедленных ответных мер Германия проиграла бы войну, даже ее не начав. Командование флота увидело в подводных лодках эффективный инструмент против голодной блокады, организованной англичанами. Без сомнения, их количество тогда, да и позже, оказалось недостаточным, и военное руководство делало все возможное для решения проблемы.

В начале сентября 1914 года первые добровольцы подплава пришли из торпедного дивизиона флота. Вместе со своими товарищами, чьим единственным желанием было дать отпор врагу чем быстрее, тем лучше, я подал рапорт и прошел медицинскую проверку.

Через два дня меня с товарищами, также признанными годными к службе, перевели на судно, где размещались новые команды подводных лодок, и направили работать в док. Доковый рабочий! Начало не обнадеживало. Пока

опытные мастера забивали, прибивали, клепали и пилили, нам пришлось трудиться на подхвате.

Я прибыл на борт моей первой лодки *U-19* полный профессиональной гордости и самодовольства. Но увидев ее механизм, почувствовал себя гораздо менее уверенно и позавидовал более опытным членам команды. Однако, принявшись с энтузиазмом за работу, я восстановил самооценку: я жаждал служить отчизне на таком корабле в полную меру своих сил. Последующие дни показали, что мои обязанности оказались мне вполне по плечу.

U-19 была готова к выходу в море. Прошли испытания, проводившиеся в течение нескольких дней перед отправлением в длительный поход, чтобы убедиться в отсутствии крена и течи. Я сгорал от нетерпения.

U-19 получила приказ выходить на следующий день. Моей радости не было предела. Однако неожиданно нас сняли с лодки, и в расстроенных чувствах я повел нашу рабочую партию назад в расположение.

Второе разочарование!

Наступил вечер, в подавленном настроении мы закончили ужинать. Поздним вечером в наш кубрик зашел уорент-офицер, как я поначалу подумал, чтобы убедиться напоследок, что все нормально перед сном. «Что ему от меня надо?» — подумал я, когда он остановился у моей койки. И тут он приказывает мне собрать вещи и немедленно прибыть на *U-19*. Ура! Сам не свой от счастья, попрощавшись с товарищами, я поспешил выполнить приказ.

На следующее утро мы уже выходили в море. Доброзелательный старший механик дал мне книгу инструкций по управлению подводной лодкой, которую я читал и перечитывал все свободное время. Мои новые товарищи оказались прекрасными открытыми ребятами, многоопытными моряками, одни — молчаливые и сосредоточенные, другие — разговорчивые и шумные, но все — профессионалы в своем деле и физически крепкие люди.

Без происшествий прошла моя первая вахта.

После ужина нам разрешили по очереди выйти на палубу и выкурить сигарету. Когда я поднялся наверх, наш командир, капитан-лейтенант Колбе, приказал мне закрасить большие белые цифры по борту, чтобы не дать врагу возможность определить наш номер. Быстро справившись с работой, я вскоре вернулся на свою койку, продолжив читать инструкции. Один из членов команды снова позвал меня на палубу, ему дали какое-то мелкое поручение, но я отказался, а он, быстро с ним справившись самостоятельно, через некоторое время громко храпел на своей койке. Но вскоре внезапный удар вырвал его из объятий Морфея.

Что случилось? Наша лодка накренилась на правый борт, непрерывно звучит сигнал тревоги, и капитан приказывает всем занять свои посты. Мы еще не успели добежать до наших мест, как второй удар всех сбивает с ног. Все незакрепленные предметы оказались в куче на полу. Поблизости началась артиллерийская канонада, и луч прожектора заметался в боевой рубке.

«Внимание! Надеть спасательные жилеты, всем на палубу!» — капитан отдавал приказы спокойным, твердым голосом.

Так как я оказался на лодке на птичьих правах, спасательного жилета мне не досталось, и ничего не оставалось, кроме как дожидаться собственной кончины внизу. Я пробрался на центральный пост и там встретил моего приятеля-механика. Сейчас, по крайней мере, я не был одинок, тогда как остальные поспешили на палубу. Внезапно раздается команда: «Оба мотора — полный вперед, приготовиться к погружению». Матросы посыпались назад в боевую рубку, мы выполнили срочное погружение и вскоре — все происходящее мне казалось сном — лежали на морском дне.

Затем команда стала обмениваться тем, что они слышали и видели. Английский эсминец, не видимый в темноте, протаранил нас в левый борт. Это был первый удар. Когда корабль оказался рядом с нами, оба командира отдали приказ «Руль на борт!», и два корпуса столкнулись еще раз. Это был второй удар.

Вскоре спокойствие было восстановлено. Старший механик позвал меня к себе на центральный пост и поинтересовался, о чем я думал в то время. «Что мне конец», — ответил я. Он засмеялся и протянул мне бутылку со шнапсом.

Ранним утром мы поднялись на поверхность. Угроза миновала, и мы могли оценить размер понесенного ущерба. Левый торпедный аппарат и голова торпеды оказались полностью срезаны, якорный порт смят, трос обо-

рван. Нам пришлось прервать поход и вернуться домой. Когда нас поставили в док в Вильгельмсхафене, обнаружилась еще масса повреждений различной степени тяжести. Особенно сложно оказалось вытащить из аппарата обе части торпедной головки.

Тем не менее я гордился своим первым подводным походом и тем, что закончил его целым и невредимым.

2.

Рождество и Новый год 1914–1915 на U-24

Моторист Николаус Джауд

U-24 стояла на базе в Вильгельмсхафене и не производила впечатление готовой к выходу в поход. Дюжина доковых рабочих с пневматическими молотками латали потекший топливный танк. Внутри лодка выглядела как старая механическая мастерская — молотки, напильники, дрели и запчасти валялись тут и там в творческом беспорядке.

Постепенно рабочие покидали наше машинное отделение. Я вытолкнул последнего через центральный люк, и наконец мы снова стали хозяевами на собственной лодке.

Перед выходом из бухты моторы должны быть проверены в работе. Два дизельных двигателя включались электрическим рубильником. Когда давление топлива и воды в радиаторе достигало нормы, проверялось зажигание. На этот раз цилиндры резво загрохотали, моторы были в порядке. Шум в моторном отделении стоял ужасающий, он сводил на нет любую попытку общения голосом, оставались только жесты.

*Волнение моря усиливается,
лодка с трудом пробивается вперед*

За работой двигателей внимательно следили; ухо чутко улавливало ритм работы дизелей и, несмотря на шум, реагировало на малейшие перебои. После проверки цилиндров моторы выключили. Испытания завершены.

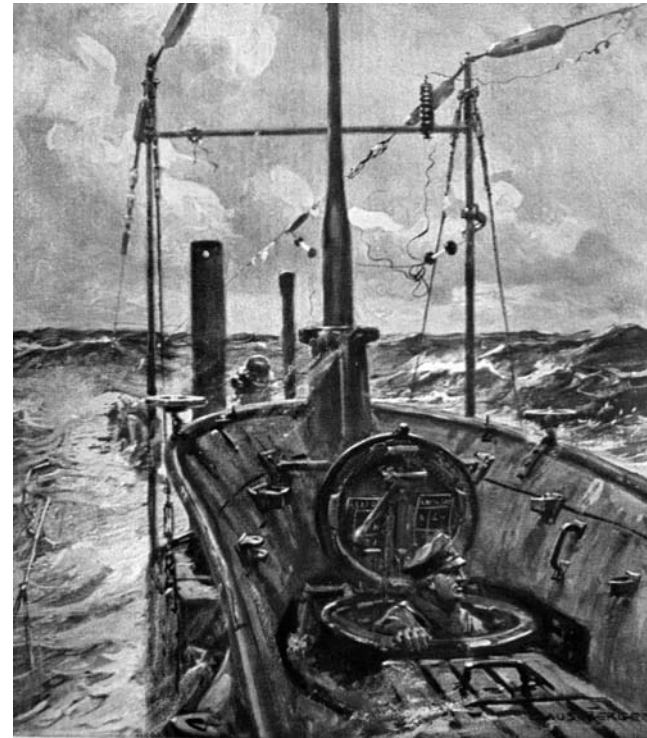
«По местам стоять! Боевая готовность!» — по этой команде все мы поспешили к своим постам.

Зазвонил машинный телеграф, и подводная лодка медленно отошла от причала. Вскоре мы прошли через ворота шлюза и заскользили по Яде к Северному морю. Оба дизельных мотора нуждались в постоянном обслуживании, сначала один, затем другой, в любой момент могли засбоить цилиндры. Когда это уже не помогало, их отдавали в ремонт.

Набирал силу северо-западный ветер, приближался шторм. Мы тщательно закрепили все предметы, а все внешние отверстия, включая люк боевой рубки, задраили. Скрылся из вида последний сторожевик, и мы остались без внешней поддержки и могли полагаться лишь сами на себя. Вскоре волнение моря стало весьма неприятным, и лодке пришлось бороться с высокими волнами.

Меня сменил на посту мой приятель Ромулус; уходя, я предупредил его не спускать глаз с топливного насоса левого мотора, уже вышедшего из строя незадолго до этого. Жестом руки он подтвердил, что понял меня, а я мог растянуться внизу на своей койке. Карл Вегнер присел рядом и стал рассказывать последние новости. Сам он уставшим не выглядел, и я посоветовал ему пойти отдохнуть лишь потому, что мне хотелось прекратить его болтовню. Я попытался уснуть, но это оказалось не так просто. Снаружи ночь ревела и стонала, лодка весьма неприятно качалась, и удары волн не давали спокойно лежать на койке. Чтобы меня не скинуло, приходилось упираться коленями и спиной.

Меня разбудил резкий приказ. Я поспешил в машинное отделение на свой пост погружения. Моей главной обязанностью было отвечать за работу основного трюмного насоса, регулировочных танков и переговорных труб в передних и задних отсеках. Приказы уже отдавались по переговорным трубам, аварийное освещение было включено, вода поступала в регулировочные танки, а автоматическая вентиляция в боевой рубке открыта. Старший механик стоял, упираясь локтями в гирокомпас,

Мы всплываем

и управлял маневрами погружения. Лодка устремилась вниз. Через сорок пять секунд после первого приказа лодка находилась на перископной глубине — 11 метров. Из боевой рубки поступил приказ: «Срочное погружение!» В регулировочные танки закачалось полтонны воды, и вскоре мы оказались на глубине в 25 метров. Вражеский

корабль нас заметил и вынудил уйти под поверхность. Командир отдал распоряжение двигаться в подводном положении, и те, кто был свободен от вахты, могли опять пойти прилечь.

Следующим утром погода улучшилась, небо прояснилось и ветер поутих. Горизонт в перископе был чист, и мы поднялись на поверхность. За день ничего примечательного не произошло. С приходом ночи мы опять легли на дно. Следующий день был кануном Рождества, и нам не хотелось, чтобы кто-то нас беспокоил.

Канун Рождества на дне моря

Мы лежали в Ла-Манше на глубине 25 метров. Тишину нарушало лишь жужжание гирокомпаса. Кок варил пунш — рождественский пунш, но даже это не помогало создать праздничное настроение. Что было тому виной? Глубины океана, отсутствие родных или общий упадок духа? Бутылка трехзвездочного бренди сделала настроение более рождественским. Каждый из членов команды получил восхитительную посылку от Женской ассоциации Нюрнберга. Я сразу стал открывать свою. Сначала показалась маленькая бумажная рождественская ель, которую мы поставили на стол с зажженными свечами. Праздничный настрой усилился. Вскоре перед каждым лежало по паре гольфов, носков, беруши, перчатки, рубашки, забавные коробки сигар, разнообразные сладости. Граммофон играл «Тихая ночь, святая ночь», и на мгновение каждому из нас пред-

ставилось, что он дома, а не на дне моря. Мы праздновали до часу ночи, а затем один за другим отправились в свои койки или гамаки, и снова воцарилась тишина.

Следующие дни сопровождались штормами и сильным волнением. Одна ночь оказалась особенно тяжелой. Волны практически покрывали корпус лодки, и нам пришлось снизить ход до среднего. Я был в машинном отделении, когда бурное море накрыло лодку и потоки воды полились из вентиляционного отверстия в дизельный отсек. Внезапные перепады давления ощущались барабанными перепонками, а на горячих коробках цилиндров появились отложения соли.

Внезапно раздался крик: «Человек за бортом!»

Море оказалось быстрее, чем лодка, и волна, ударившая с кормы, смыла за борт одного матроса. Вахтенный наблюдатель немедленно бросил ему спасательный жилет, но появившийся в тот момент вражеский эсминец вынудил нас уйти на глубину.

Бурное море забрало свою первую жертву.

Новый 1915 год

Дул пронизывающий ледяной ветер, луна выглядывала урывками позади нас между бегущими облаками. Вахтенные наблюдатели, замерзшие и онемевшие, стояли на своих постах.

«Дымы по левому борту! Предположительно — неприятель».

Впереди дым по левому борту

Наш командир, капитан-лейтенант Шнейдер, поспешил наверх. Он не сомневался, что мы встретили английскую эскадру. Ночными призраками в лунном свете далеко на горизонте шли вражеские линкоры.

«Полный вперед!»

«К погружению!»

Я поспешил на центральный пост, оставив дизеля на своего друга Ромулуса. Все глаза горели от возбуждения, и в головах сидела лишь одна мысль: «Лишь бы мы успели добраться до англичан!»

Все до единого, и офицеры, и матросы, с застывшими лицами и напряженными мускулами, замерли на своих местах. Все понимали, чего от них ожидают.

Море было слишком бурным, чтобы удерживаться на перископной глубине. Нас бросало вверх и вниз в промежуток между 10 и 16 метрами, что еще больше осложняло

работу командира. Когда старший механик доложил о невозможности держаться на перископной глубине, командир решил выйти на поверхность.

Не говоря ни слова, мы переглянулись между собой. Сейчас начнется! Оба мотора работали на полную мощность; стальной корпус лодки дрожал, когда по нему перекатывались гигантские валы.

Все, о чем мы думали, — лишь бы ударить по врагу.

Почти сто метров отделяло нас от корабля; еще несколько минут и:

«Левая торпеда, пли!»

Толчок, и торпеда отправилась в путь.

«Погружение!»

Ужасный треск. «Есть попадание!»

Корабль Его Величества «*Формидебл*» торпедирован. В диком восторге кто-то схватил граммофон и уже было хотел его включить; но пока время для этого не пришло.

Вскоре мы опять поднялись на поверхность, чтобы атаковать следующий корабль, но тот двигался так быстро, что атака оказалась невозможной. Мы вернулись к нашей раненой жертве, чтобы нанести ей смертельный удар. Нам пришлось около часа идти в подводном положении, чтобы выйти на позицию для второй атаки.

Едва торпеда покинула торпедный аппарат и мы погрузились на несколько метров, как раздался ужасающий взрыв со стороны английского линкора и затем леденящий треск над нами; полностью погас свет, с креном на левый борт лодка пошла на глубину и легла на морское дно на глубине 47 метров.

Вскоре командир появился на центральном посту и сказал нам, что до пуска торпеды мы чересчур близко подошли к англичанину, у него не было возможности отвернуть, так что нам пришлось идти под тонущим кораблем, и в результате у нас поврежден корпус.

Осмотр лодки не выявил повреждений. Глубоководная вахта стала по местам, и мы отметили наступление нового года бокалом пунша, который на этот раз кок сделал покрепче в ознаменование нашего последнего успеха.

Внезапно пришел машинист и доложил, что слышны подозрительные стуки по корпусу. Проверка ничего не дала, но вскоре пугающий звук снаружи встревожил всех нас. Один матрос предположил, что это водолаз опутывает нас сетью. Шум становился все ближе и ближе, действительно создавалось впечатление, будто водолаз в свинцовых сапогах бродит по палубе. Затем возникло предположение, что водолаз хочет просверлить корпус лодки. На это я сказал: «Карл, принеси мне тяжелый молоток. Я достойно встречу сверло, когда оно войдет внутрь». Все засмеялись, и тревога прошла. Выяснилось, что мы лежали на наклонном, каменистом дне, и камни со стуком перекатывались по нашей палубе. Именно они так нас испугали.

На следующее утро мы поднялись к поверхности. При попытке выдвинуть перископы выяснилось, что они не работают. Нам пришлось полностью всплыть. Люк боевой рубки также не открывался, так как оба перископа согнулись как раз над ним. Кто-то из команды выбрался

через палубный люк, перископы выправили и люк на рубке открыли. Свежий воздух ворвался внутрь.

Счастливые тем, что все еще живы, мы отправились в обратный путь.

В Зебрюгге нас посетил адмирал Шредер и поздравил с достигнутым успехом.